

ремесленного производства в экономической жизни ординации, позволяют рассмотреть особенности местного рынка, развитие торговли в Несвиже и Мире. В то же время изучение производства было осложнено отсутствием цеховых уставов городов ординации и протоколов цеховых собраний.

Статистические документы, представленные реестрами, инвентарями имений и фольварков ординации. Они содержат перечень хозяйственных и жилых строений, иногда скота и птицы, посевов и пахотных площадей, сенокосных угодий и предприятий в ординации. В некоторые инвентари включены переписи населения. Эта группа инвентарей содержит наиболее полные данные о налогах, повинностях и административном управлении в имениях, в некоторых из них проводится постатейная оценка доходов от имений. Степень подробности описания владения определялась целью написания инвентаря. Только документы, составленные при передаче должности управляющего, подробно фиксировали сведения о сельскохозяйственном производстве и повинности крестьян, регламентировали обязанности администрации имений [3, л. 4–7; 2, л. 4–8; 9, тека 2669/3, nr. 14546, л. 1–9].

По реестрам налогообложения можно проследить социальную структуру населения ординации и формы выплаты налогов. Они позволили определить места проживания господарской и служилой шляхты в ординации, охарактеризовать социальные категории городского населения, различия в их положении и роли в управлении городов в зависимости от национальной принадлежности [9, л. 3–8; 10, sign. 93, л. 4–5].

В ряде инвентарей налогоплательщики не разделены по социальной принадлежности. Примечательно и то, что в некоторых источниках не указывался социальный статус шляхтичей. Администрация имений хорошо знала население и не фиксировала социальное положение налогоплательщиков. Отличительной чертой инвентарей в радзивилловских имениях является включение данных только о хозяйствах, что не дает возможности сделать точный подсчет численности населения.

Существенное значение имеет вопрос о достоверности статистических источников. Многие инвентари дошли в виде сводной ведомости. Небольшая часть материалов представлена их копиями. Судить, насколько данные документов могут соответствовать оригиналам, невозможно.

Для всех инвентарей ординации характерна неполнота сведений. Материалы имеют плохую сохранность. В ряде инвентарей содержатся данные не о всех имениях ординации, что затрудняет их сравнительный анализ и не позволяет сделать точные выводы о росте или уменьшении налогов, доходности владений и численности населения. В некоторых инвентарях городов ординации отсутствуют данные о налогообложении христианского или иудейского населения, из-за этого невозможно точно установить различия в социальном и правовом положении данных групп горожан.

Таким образом, рассмотрение проблемы формирования территории, учреждения и функционирования Несвижского майората требует привлечения широкого диапазона источников, большинство из которых представлено документальными материалами.

1. Литовский государственный исторический архив (ЛГИА). – Ф. 459. Оп. 1. Д. 3991.
2. ЛГИА. – Ф. 1280. Ч. 1. Д. 207.
3. Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). – Ф. 694. Оп. 2. Д. 1702.
4. НИАБ. – Ф. 694. Оп. 4. Д. 161.
5. НИАБ. – Ф. КМФ 5. Оп. 1. Д. 2672-2а.
6. Archiwum Główne Akt Dawnych w Warszawie (AGAD). – Archiwum Radziwiłłów (AR). Dz. XI. Koperta 84. Nr. 362.
7. AGAD. – AR. Dz. XI. Koperta 84. Sign. 853.
8. AGAD. – AR. Dz. XXIII. Teка 93. Plik 1.
9. AGAD. – AR. Dz. XXV. Teка 2399. Nr. 14183.
10. AGAD. – AR. Dz. XXXIII. Sign. 77.

Чорэф М.М.
К КАТАЛОГУ БАХЧИСАРАЙСКИХ НАДПИСЕЙ:
СТРОИТЕЛЬНАЯ НАДПИСЬ МЕЧЕТИ МОЛЛА-МУСТАФА

Из множества квартальных мечетей Старого Бахчисарая к настоящему времени уцелели лишь единицы. Однако на ул. Севастопольской сохранились две джамии. Одна из них – Молла-Мустафа, ныне датируется XVIII в.. Обследование памятника никогда не проводилось. В последние годы Молла-Мустафа перестроили с использованием современных материалов.

Наше внимание привлекла мраморная закладная плита, размещенная над входом в Молла-Мустафа. У нее отбит только верхний левый угол, в котором, к счастью, не было текста. Начнем с этой плиты изучение неизданных эпиграфических памятников г. Бахчисарая.

Сразу же заметим, что у нас нет никаких оснований считать, что эта плита изначально украшала вход в Молла-Мустафа. Ведь здание не раз перестраивалось. К примеру, его минарет мог быть построен не ранее конца XVIII в. Тем же временем следует датировать и типично барочные пятигранные окна ее второго этажа. В то же время закладная плита была высечена в 1600 г. Попытаемся прояснить это обстоятельство, проанализировав сам текст.

Заинтересовавшая нас плита представляет собой блок серого мрамора размером 39 на 25 см. Ее поверхность хорошо подтесана и отшлифована. На лицевой части плиты хорошо виден четырехугольный картуш со скругленными верхними углами, в который вписана пятистрочная низкорельефная надпись с четырьмя линиями-разделителями:

صاحب و الخيرات و الحسنات	–	«Владыка и сокровищ, и совершенств,
ترزى قنتمير و تعمير ططار		портной Кантемир, а строил Татар,
عبد الطيف روحلر يچون فاتحه		раб Ордена. Душам их – Фатиху.
۱۰۰۹		1009
سنة		года».

Текст выполнен шрифтом сулюс. Буквы переданы толстой ровной линией. Прослеживается особенность почерка мастера. Заметно, что он не выбирал фон из кружков букв و, ة, م, ق, ف. В надписи отсутствуют огласовки и прочие дополнительные знаки, что впрочем, характерно для средневековой крымской мусульманской эпиграфики.

Надпись представляет собой сочетание арабских и тюркских слов. К последним можно отнести имена донаторов и слова *تعمير* – «строил» и *يچون* – «душам». Все почетные прозвища, эпитеты и благопожелания приведены на языке Корана. Из текста первой строки надписи следует, что один из донаторов именовал себя *صاحب و الخيرات و الحسنات* – «*владыка и сокровищ, и совершенств*». Эти определения не только подчеркивают благочестие и богатство жертвователя, но и свидетельствуют о его высоком положении в обществе. Очевидно, что именно он выделил средства на богоугодное дело, т.е. создал вакф. Однако донатор не принадлежал к родовой или служилой знати. Из второй строки надписи мы узнаем, что он был *ترزى* – «*портной*» и звали его *قنتمير* – «*Кантемир*». Очевидно, что жертвователь гордился своей профессией и считал ее престижной, раз уж приказал упомянуть о ней. Полагаем, что он занимал влиятельное положение в цеху бахчисарайских портных. Заметим, что сам факт участия Кантемира свидетельствует об усилении влияния торгово-ремесленной верхушки в жизни средневекового крымско-татарского общества, что, безусловно, должно быть увязано с относительным процветанием экономики государства. Вернее всего, именно этими обстоятельствами и следует объяснять временное улучшение монетной стопы серебра крымского чекана при Гази Гирае II (1588–1596, 1596–1607).

Но вернемся к нашей надписи. Далее по тексту упоминается Татар, построивший богоугодное здание на средства Кантемира. О нем в надписи куда меньше сведений. Так как прославляющие его эпитеты в надписи отсутствуют, то он, очевидно, не принадлежал к элите. Можно даже предположить, что Татар был простым наемным работником, выполнившим поручение первого донатора. Ведь в тексте прямо сказано, что он строил на деньги Кантемира. Но, в таком случае, почему его упомянули в надписи? Заметим, что даже имена величайших архитекторов средневекового Востока не известны на закладных плитах их строений. Считаем, что поднятый нами вопрос достаточно важен и заслуживают тщательного рассмотрения.

К счастью, у нас достаточно информации для поиска ответа на него. Дело в том, что мы пока еще не истолковали весьма примечательную фразу *عبد الطيف* Конечно, ее можно вовсе не переводить, посчитав одним из множества вновь выявленных средневековых татарских имен, образованных от мусульманских эпитетов. Или трактовать его как «*раб призрака*» или «*раб видения*». Также допустимо предполагать, что Татар был связанным какими-то обязательствами с общиной аравийского г. Таифа. А если учесть то обстоятельство, что слово переводится и как «*часть, доля*», то таинственного строителя можно вовсе посчитать если не рабом, то, в любом случае, зависимым человеком. Уж очень многозначно слово *طيف* и совершенно однозначно трактуем термин *عبد الطيف*. Однако мы все же попробуем установить смысл выражения *عبد الطيف*.

Начнем с того, что наличие определенного артикля *ال* говорит о том, что заинтересовавшее нас слово представляет собой некоторое общеизвестное понятие, если и нуждавшееся в уточнении, то исключительно для конкретизации. И, действительно, в лексиконе образованного жителя средневекового Ближнего Востока в то время обязательно присутствовало слово *طَيْف* – «группа, сообщество, организация», а именно так называли суфийские общины. А именно их члены и именовали себя «рабами Ордена». Полагаем, что упомянутый в надписи Татар был суфием.

Перейдем к последним словам текста. Речь идет о фразе *روحلر یچون فاتحه*. Перевести ее можно только как «душам их – Фатиху». Понятно, что речь идет о благопожеланиях, содержащихся в первой, «открывающей» суре Корана. Упоминания о ней традиционно размещали как в посвященных надписях, так и в средневековых эпитафиях. В тексте указана и дата завершения строительства. Его завершили в 1109 г.х.

Но что же за сооружение воздвигли Кантемир и Татар? Полагаем, что это было важное здание, очевидно, культовое, располагавшееся если не на месте, то поблизости от современной джамии Молла-Мустафа. Иначе не было бы смысла размещать старую закладную плиту над входом во вновь возведенное здание. Вернее всего, донаторы построили мечеть.

Заметим, что нас не должно удивлять отсутствие в тексте надписи очевидного упоминания мечети. Дело в том, что подобного рода сведения отсутствуют на закладных плитах ряда джамий Востока. Известны они и в Крыму. К примеру, на закладной плите Биюк-Джами, размещенной ныне над входом в баню Сары-Гюзель, выбиты только имена донатора Сахиб Гирия I (1532–1551) и его предков. О назначении здания можно узнать только из текста.

Таким образом, разобрав надпись над входом в Молла-Мустафа, нам удалось установить предназначение и дату возведения здания, построенного Кантемиром и Татаром. Очевидно, что оно изначально было мечетью, посещаемой местными суфиями. Сам факт ее возведения донаторами, не относящимися к татарской знати, свидетельствует об усилении влияния исламизированного городского населения, выразителем интересов которого стало мусульманское духовенство, в т.ч. и мистики-суфии. Заметим, что именно эту картину в Крыму наблюдал Эвлия Челеби. Полагаем, что подобные новации стали возможны только в результате усиления османского влияния в регионе. Возможно, что именно с этим обстоятельством следует увязывать и одновременное проникновение в Северное Причерноморье крупной монеты турецкого чекана. Однако поиск ответа на этот вопрос уж слишком сильно уводит нас от темы нашего исследования. Надеемся, что в ближайшее время нам удастся выявить эпиграфический материал, исследование которого позволит найти ответ на поставленный вопрос.

Скварчэўскі Д.В.

АСТРАНАМІЧНЫЯ І АСТРАЛАГІЧНЫЯ ТВОРЫ XVI–XVII стст. У АРХІЎНЫХ І БІБЛІЯТЭЧНЫХ ФОНДАХ БЕЛАРУСІ

XV–XVII стст. з’яўляюцца перыядам станаўлення навуковай астраноміі ў Вялікім Княстве Літоўскім. З XV ст. у ВКЛ пачынаюць перакладаць астранамічныя і астралагічныя творы, а таксама ствараць уласныя працы. Невядомыя і малавядомыя пісьмовыя крыніцы ў архіўных фондах Беларусі, якія будуць разглядацца, асвятляюць працэс развіцця і пашырэння астранамічных ведаў сярод насельніцтва ВКЛ.

У Нацыянальным гістарычным архіве Беларусі ў “Радзівілаўскім фондзе” (фонд 694) захоўваюцца некалькі астранамічных і астралагічных твораў XVII ст. Асабліва вылучаецца невялікі лацінамоўны канспект 1644 г. Себасцьяна Стрыевіча твора Іаана Сакрабоско “Трактат аб сферы” [4]. Іаан Сакрабоско – матэматык і астраном XIII ст., выкладчык Сарбонскага ўніверсітэта. Яго знакаміты твор вывучаўся ва ўсіх еўрапейскіх універсітэтах (у тым ліку ў Віленскай езуіцкай акадэміі) да XVII ст. У ім выкладаюцца асновы сферычнай геаметрыі і геацэнтрычная пталемееўская сістэма, тлумачыцца механізм зацьменняў, руху планет і сонца, усходаў і заходаў сузор’яў, вызначаюцца кліматычныя паясы, экліптыка, мерыдыян і інш. Канспект С. Стрыевіча захаваны не цалкам: ёсць толькі ўводзіны і першая глава (два раздзелы). Твор пабудаваны ў выглядзе пытанняў і адказаў на іх. У канспекце даецца характарыстыка тэорыі сферы, апісваецца сферычнасць зямлі, паказаны механізм зацьменняў і г.д., прыводзяцца адпаведныя малюнкi і схемы. Себасціян Фабіян Стрыевіч (1621–1681 гг.) з’яўляўся доктарам філасофіі і вольных навук кафедры астралогіі Кракаўскага ўніверсітэта. У Кракаўскім